

УДК 821.161.1-3

ИМЕНОВАНИЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

О. И. Логачева

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье проанализировано употребление именовании священников в прозе А. П. Чехова. Особое внимание уделяется роли цензуры, запрещавшей такие упоминания в светской литературе из-за опасения возникновения негативного мнения о самой церкви.

Ключевые слова: А. П. Чехов, проза, именование, священнослужитель, Устав о цензуре.

Изображение духовенства в творчестве А. П. Чехова вступает в противоречие с типичным представлением о нем как авторе маленьких юмористических рассказов, серьезных повестей и пьес. Это противоречие усиливается признаниями самого писателя: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание – с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет» (из письма Чехова И. Л. Леонтьеву (Щеглову) 9 марта 1892 [9, т. 12, с. 251–252]). Серьезное знание канонов богослужения, церковной иерархии налицо, но все, что насаждается против воли человека, отвергается. «Мое святое святых – это... любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались», – писал Чехов А. Н. Плещеву в октябре 1888 года.

Вместе с тем в произведениях Чехова часто употребляются именовании духовенства. Образ священника – сквозной в русской литературе. Он несет определенное значение, зависящее от религиозного сознания и миропонимания автора, а также от исторических особенностей эпохи. Насколько частотен этот образ у Чехова? Именовании каких церковных чинов упоминаются чаще всего? Задача работы – количественный анализ образа священнослужителя в рассказах и повестях писателя. Материалом для работы послужило собрание сочинений А. П. Чехова в двенадцати томах [9].

А. П. Чехов был не первым, кто изображал духовенство в своих произведениях. Отметим, например, Н. С. Лескова, творчество которого он очень ценил. Между тем первый сборник писателя «Шалость» так и не увидел света из цензурных соображений: из текста вычеркнуты все упоминания, «связанные с церковью, духовенством и христианской религией» [2, с. 115]. Из «Письма к ученому соседу» был удален один из персонажей – священник отец Герасим, который «...бранил и порицал мысли и идеи касательно человеческого происхождения». Появился «сосед Герасимов», и читателю стало непонятно, почему он восстал против теории Дарвина: ведь если бы это был священник, то его отношение к теории происхождения видов

объяснялось бы само собою. Это тем более непонятно потому, что в то время цензура не пропускала никаких сочинений, заключавших в себе грубый материализм. Из рассказа «В вагоне» исчез персонаж – спящий дьякон. Откуда взялся такой запрет? В соответствии с § 4 Устава о цензуре печати 1828 года произведения словесности, наук и искусств должны были подвергаться запрещению, «(1) когда въ оныхъ содержится что либо клонящееся къ поколебанию учения православной церкви, ея преданий и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры» [8, с. 1].

В «эпоху цензурного террора» (1848–1855 гг.) основную роль в укреплении цензурного режима сыграл Комитет 2 апреля 1848 года, запретивший пропускать в печать «рассуждения, могущие поколебать верования читателей в непреложность церковных преданий» [5, с. 89–90]. В докладе о народной литературе министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов писал о том, что цензоры не должны были пропускать в книгах «ничего неблагоприятного, но даже и не осторожного относительно православной церкви и ее установлений...» [5, с. 96]. Этот доклад был утвержден Николаем I.

Временные правила по цензуре 12 мая 1862 г. закрепили весь опыт цензуры предшествующих лет:

- во всех вообще произведениях печати не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам христианских исповеданий, охранять неприкосновенность верховной власти и ее атрибутов, уважение к особам царствующего дома, непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого (§1);
- не допускать в печати сочинений и статей <...> в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому, заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями или должностями государственной и общественной службы» (§ 7) [5, с. 122].

Вся печатная продукция и публичные выступления проходили жесткую духовную цензуру и в дальнейшем, с некоторыми модернизациями в 1884 и 1892 гг. Устав духовной цензуры 1828 г. фактически оставался в силе до начала XX века.

О строгостях духовной цензуры, касающихся изображения духовенства в литературе, писал Н. А. Добролюбов в «Заграничных прениях о положении русского духовенства: «...мы постоянно видим, что отзывы о лицах духовного звания смешиваются с мнениями о самой церкви и на этом основании, как противные православию, не пропускаются в печать, за весьма редкими исключениями» [3, с. 77]. По этой причине именно именованные священников были вычеркнуты Чеховым из рассказов первого сборника.

О внимании духовной цензуры к произведениям Чехова писали и историки: «От церкви был отлучен Толстой... духовенство выражало недовольство не только бунтарскими произведениями Горького, но демократическими по характеру рассказами А. Чехова» [4, с. 43].

Несмотря на цензурные правки первого сборника, Чехов не только не перестал использовать священников в качестве второстепенных персонажей, но и посвятил им отдельные рассказы. Как писатель-реалист, отметил утрату авторитета духовенства, но вместе с тем проявил явную симпатию ко многим его представителям.

Перейдем к количественному анализу употребления Чеховым именованных священничества.

В православии существует три степени священства: диакон, священник, епископ. Еще до рукоположения в диакона ставленник должен решить, будет ли он

проходить священническое служение, являясь женатым (белое духовенство) или же приняв монашество (черное духовенство). С позапрошлого века в Русской Церкви существует также институт целибата, то есть сан принимается с обетом безбрачия. Диаконы и священники-целибаты также относятся к белому духовенству. Священническая иерархия может быть представлена так:

Иерархические степени	Белое духовенство (женатое или в целибате)	Черное духовенство (монашествующее)
III Епископат (архиерейство)		патриарх митрополит архиепископ епископ архиерей
II Пресвитерство (иерейство)	протопресвитер протоиерей иерей (пресвитер, священник)	архимандрит игумен иеромонах
I Дьяконат	протодьякон дьякон	архидьякон иеродьякон

Само слово *духовенство* (= священнослужители [7, с. 134]) как собирательный термин для обозначения всех степеней священства встречается в десяти рассказах Чехова: «Идиллия – увы и ах!», «Художество», «Ведьма», «Много бумаги», «Кошмар», «Перекасти-поле», «Убийство», «Человек в футляре», «В овраге», «Архиерей».

Начнем с самой высшей, третьей иерархической степени. Писатель использует два именованья – *преосвященный* и *архиерей*:

- **преосвященный** (именование епископа): «Дочь Альбиона», «Ведьма», «Кошмар», «Степь», «Дуэль», «Архиерей»;
- **архиерей** (общее название священнослужителей высшей (третьей) степени христианской церковной иерархии): «Кошмар», «Мороз», «Княгиня», «Дуэль», «Палата № 6», «Бабе царство», «В усадьбе», «Три года», «Архиерей».

Помимо данных именованья, Чехов использует и специальные слова, используемые при обращении к епископу (*преосвященство*) и архиерею – *владыка*:

- **преосвященство** (обычно с местоимением *Ваше*, в обращении): «Мороз», «Княгиня»;
- **владыка** (одно из именованья митрополита): «Трагик», «Певчие», «Кошмар», «Мороз», «Архиерей».

К монашествующему священнику (иеромонаху) принято обращаться *Ваше преподобие*, но в прозе Чехова именованье *иеромонах* употребляется лишь один раз в рассказе «Идиллия – увы и ах!», поэтому эта форма обращения отсутствует.

Вторая иерархическая степень – *иерей* (священник), *протоиерей* (белое духовенство) и *архимандрит*, *игумен*, *иеромонах* (черное).

Что касается синонимов к слову *священник*, то это *пастырь*, *иерей*, *пресвитер*, *поп*, *церковнослужитель*, *отец*, *батюшка*.

Вот как представлена вторая ступень священства у Чехова:

- **иерей**: «Идиллия – увы и ах!», «Не судьба!», «На страстной неделе»;
- **протоиерей**: «Орден», «Брожение умов», «Экзамен на чин», «Упразднили!», «Много бумаги», «Учитель словесности», «Архиерей», «Невеста»;
- **священник**: «Каникулярные работы институтки Наденьки Н», «Не судьба», «Старость», «Кошмар», «Встреча», «Тиф», «На страстной неделе», «Тайна», «Письмо», «Степь», «Гусев», «Дуэль», «Палата № 6», «Страх», «Черный монах», «Бабье царство», «Учитель словесности», «Три года», «Анна на шее», «Убийство», «Мужики», «В враге», «Архиерей».

Чаще всего используется именование *священник*, что вполне оправданно и объяснимо: слова *иерей*, *протоиерей* – греческие, *священник* – церковно-славянское. Следует сказать об общеизвестных перифразах к сущ. *священник*: *отцы церкви* (*святые отцы*), *владыки церкви*, *духовные пастыри*, *церковь* (*иерархия священнослужителей*), *служители алтаря*, *честной отец*.

А. П. Чехов, используя эти перифразы, дополняет и расширяет представления читателей о священнике, указывая на его основные отличительные черты:

- «по духовной части» («Добрый знакомый»);
- «духовное лицо» («Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»; «В бане»);
- «духовные особы» («В бане»);
- «святители церкви» («В бане»);
- «духовного звания» («Ведьма»);
- «высшие духовные власти» («Кошмар»);
- «светильник церкви» («Ведьма»; «Степь»).

Синонимами существительного *священник* являются *отец*, *поп*, *батюшка*, *духовник*, *священнослужитель*, *пастырь*. Укажем наиболее частотные у Чехова именованья священничества. Сущ. *отец* встретилось в двадцати рассказах, *батюшка* – в пятнадцати, *поп* – в двенадцати:

- **батюшка** (обиходн., обычно в обращении): «Приданое», «Ярмарка», «Упразднили!», «Не судьба!», «Панихида», «Кошмар», «Святою ночью», «Мороз», «Перекасти-поле», «Бабье царство», «Скрипка Ротшильда», «Убийство», «Мужики», «В враге», «Архиерей»;
- **отец** (употр. с именем или в обращении): «Барыня», «Живой товар», «Певчие», «Брожение умов», «У предводительши», «Упразднили!», «Симулянты», «Дипломат», «Не судьба!», «Записка», «Святая простота», «Панихида», «Ведьма», «Кошмар», «Тиф», «Письмо», «Степь», «Неопубликованное, неоконченное. III. Письмо», «Архиерей», «Невеста»;
- **поп** (обиходн. с оттенком фамильярности): «Не судьба!», «Кошмар», «Скука жизни», «Встреча», «В сарае», «Гусев», «Дуэль», «Рассказ неизвестного человека», «Бабье царство», «Три года», «Супруга», «Убийство».

Именования *пастырь* (священник, духовник по отношению к верующим мирянам; рассказ «Кошмар») и *духовник* (священник, руководящий духовной жизнью верующего и постоянно исповедующий его; духовный отец; рассказ «Перекасти-поле») встречаются по одному разу. Сущ. *отец* используется в качестве почти-тального обращения ко всему духовенству:

- **отец протоиерей**: «Экзамен на чин», «Брожение умов», «Упразднили!», «Степь»;
- **отец архимандрит**: «Святою ночью», «На мельнице», «Княгиня», «Архиерей»;
- **отец настоятель**: «Письмо», «Без заглавия», «Степь».

Именование *благодичный* («Священник, помощник епископа, исполняющий административные обязанности во вверенном ему благочинии» [7, с. 59]) встречается в рассказах «Певчие», «Письмо», «Архиерей».

Именования священства третьей иерархической степени:

- **диако́н** (обиходн. *дьяко́н*): «В почтовом отделении», «Каникулярные работы институтки Наденьки N», «Ярмарка», «Певчие», «Брожение умов», «Хирургия», «Прощение», «У предводительши», «В бане», «Канитель», «Красная горка», «Панихида», «Святой ночью», «Визитные карточки», «На страстной неделе», «Письмо», «Степь», «Дуэль», «Бабье царство», «Учитель словесности», «Архиерей»;
- **прото́дьяко́н**: «Учитель словесности»;
- **иеродиакон** (обиходн. *иеродьяко́н*): «Святою ночью».

Отсутствует только сущ. *архидиако́н* («Почетный титул главного диакона в лавре, крупном монастыре; диако́н, служащий при патриархе» [Там же, с. 38]), поскольку подобная служба не описывается в рассказах.

Низшие клирики (причетники) пребывают вне данной трехстепенной структуры: *иподиаконы*, *чтецы*, *певцы*, *алтарники*, *пономари*, *церковные сторожа* и др.

У именования *пономарь* есть синонимы: *алтарник*, *дьячок*, *звонарь* (*звонец*), *причетник*, *псаломщик*, *свечегас*, *свещеносец*, *церковнослужитель*.

Сведения об употреблении данных именовании:

- **пономарь** (церковнослужитель, прислуживающий в алтаре): «Кошмар», «Осколки московской жизни»;
- **псаломщик** (церковный чтец): «Певчие», «Красная горка», «Убийство»;
- **дьячок** (в православной церкви: низший служитель, псаломщик): «Ярмарка», «Барыня», «Брожение умов», «Хирургия», «Капитанский мундир», «У предводительши», «Канитель», «Упразднили!», «Зеркало», «Панихида», «Ведьма», «На страстной неделе», «Тайна», «В сарае», «Дуэль», «Черный монах», «Бабье царство», «Скрипка Ротшильда», «Студент», «Убийство», «Моя жизнь», «Мужики», «В овраге».

Таким образом, в прозе А.П. Чехова активно используются именовании священнослужителей всех трех степеней священства 157 раз. Чаще всего автор использует именовании *священник* (23 рассказа), *дьячок* (23 раза), *отец* (20), *батюшка* (15), *поп* (12). Это свидетельствует и о том, что писатель хорошо знал церковную иерархию, и о том, что «свобода от силы и лжи» была для Чехова дороже всего, и о том, что, несмотря на запреты духовной цензуры и известное письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю, в котором он называет православную церковь «опорой кнута и угодницей деспотизма» [1, с. 283], духовенство было для Чехова равноправным членом современной ему русской жизни, заслуживающим пристального наблюдения.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8 : Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 – март 1848. М. : Худож. лит., 1982. 783 с.
2. Громов М.П. Чехов. М. : Мол. гвардия, 1993. 394 с.
3. Добролюбов Н.А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 6 : Статьи и рецензии 1860. М. ; Л. : Худож. лит., 1963. 572 с.
4. Дулов А.В. Русское православие : уч. пособ. по истории русской церкви. Иркутск, 1992. 298 с.
5. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М. : Аспект Пресс, 2001. 368 с.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
7. Склярская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.
8. Устав о цензуре и печати. Т. XIV [Свода законов]. СПб.: Гос. тип., 1886. 55 с.
9. Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1985.

PRIESTS NAMING IN A. P. CHEKHOV'S FICTION

O. I. Logacheva

Tver State University
the Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article analyzes the naming of priests in A. P. Chekhov's fiction. The author of the article pays particular attention to the role of censorship that prohibited any mentioning of such naming in secular literature due to the fear of creating negative opinion about the church itself.

Keywords: *Anton Chekhov, prose, naming, priest, rules of censorship.*

Об авторе:

ЛОГАЧЕВА Оксана Ивановна – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: oks.logacheva@mail.ru.

About the author:

LOGACHEVA Oksana Ivanovna – Postgraduate Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhe-lyabov str., 33), e-mail: oks.logacheva@mail.ru.